

Игорь Президентов

Генератор любви

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Б73

Б73 **Богданов И.Г.**
Генератор любви / Игорь Президентов – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2014. – 324 с.

ISBN 978-5-519-00976-8

В сборнике иронической и научной фантастики есть очень смешные произведения в стиле Комеди Клаб или Маски Шоу. Ну, очень смешная фантастика! Уписаться можно! Согласитесь, смешной фантастики пишут до обидного очень мало... А ведь так хочется, иногда, чего-нибудь смешного, типа, «Понедельник начинается в субботу» Стругацких. Кроме смешной фантастики есть фантастические боевики.

ISBN 978-5-519-00976-8

© Lennex Corp, 2014
© И.Г. Богданов, 2014

В сборнике иронической и научной фантастики есть очень смешные произведения в стиле Комеди Клуб или Маски Шоу. Ну, очень смешная фантастика! Уписаться можно! Согласитесь, смешной фантастики пишут до обидного очень мало... А ведь так хочется, иногда, чего-нибудь смешного, типа, «Понедельник начинается в субботу» Стругацких. Кроме смешной фантастики есть фантастические боевики.

Игорь Президентов.

СЕССИЯ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

1

— Раз.

— Пас.

— Упал. Девятерной перебиваете?

Все промолчали.

— Тогда записывайте. — Сказавший это, положил свои карты на стол и откинулся на спинку стула.

Стул не выдержал. Раздался ужасающий треск, одна из ножек, склеенная несколько дней назад, снова обломилась, и Андрей Батюшкин, застенчивый интеллигент с печальными, задумчивыми глазами, весь внешний вид которого, как бы, просил отмочить над ним какую-нибудь шутку, оказался на полу. Сергей Борисович с Колей Бауловым, два закадычных друга товарища, которые этим нещадно пользовались, бросились его поднимать.

— Не надо, я сам, — недовольно пробурчал Андрей, потирая уши-бленное место и вновь усаживаясь на сломанный стул. На этот раз ему предстояло балансировать на трех ножках.

Сергей Борисович, упитанный розовощёкий балагур и весельчак взял листок с «пулей», перевернул его и на обратной стороне переписал карты Андрея.

— Почти чистый, — профессионально оценил он, с явным сожалением откладывая карандаш в сторону.

— В пиках дыра: семерки нет и длинная масть, — не согласился с ним Коля, нескладный, угловатый отличник, который постоянно заикался и, поэтому, всегда во время разговора прикладывал палец к губам. — Такой мизер при удобном раскладе ловится. Тяни прикуп.

В прикупе оказался пиковый марьяж.

— Андрей обреченно, тяжело вздохнул и «бросил прикуп Сергей Борисовичу в рожу».

— Ну, гад, я тебе это еще припомню! — незлобно молвил тот, без особой радости записывая себе за плохой прикуп «В гору».

Как и следовало ожидать, дыра в пиках оказалась слишком большой, длинную масть расписали и Андрюхе всучили «паровоз с двумя вагонами». Потом ему, однако, повезло, он сыграл подряд две семерных, и все закрылись.

— Может, еще одну до утра замесим? Ну, хоть до десяти в «пуле»? — предложил больше всех проигравший Андрей и горячий яростным желанием отыгаться.

— Спать пора. Завтра сессия начинается. Учить надо, — возразил Коля и начал стелить постель. Несмотря на то, что он жил рядом с институтом, и место в общежитии ему не полагалось, в общежитии всегда было много свободных халявных коек, и он, как и многие студенты-москвичи, временами ими пользовался.

— Слушай, а зачем учить? Вот Нюрка, отличница, так она все время шпоры пишет и на экзаменах списывает, — Сергей Борисович хитро подмигнул Коле.

— Так она пользоваться ими умеет, прячет хорошо, — Андрей собрал карты со стола и положил их в тумбочку. — Ну, скажи, какому преподавателю придет в голову лезть к студентке за бюстгальтер? Или под юбку, где Нюрка прошлый раз шпаргалки резинками к колготкам прикрепила?

— А ты откуда знаешь? — хихикнув, с явным сексуальным намеком ехидно спросил Сергей Борисович?

— Она тогда рядом со мной сидела, при мне доставала. Предлагала на мой билет шпоры дать.

— Ты, конечно, списал?

— Нет. Совесть не позволила...

— Ну и дурак! Сколько она получила?

— Пять, как всегда.

— А ты?

— Трояк... — Андрей вздохнул и понурил голову. — Зубришь тут, зубришь и трояки одни получаешь...

— А ты списывай!

— Нам тяжело... Девчонкам как просто: взяла тетрадку и под платице спрятала. Даже если кто неестественную выпуклость и заметит — еще лучше, решит что беременная, вообще спрашивать не будет...

— Да... Беременных мужиков не бывает...

— А я вот слышал, что в Штатах мужику, который родит, миллион долларов отвалят!

— Мы не в Штатах, — Сергей Борисович сладко потянулся и громко зевнул, — а вообще не бывает такого...

— Точно не бывает, — огорчился Андрей, — жалко, списывать было бы легче...

— Ладно, хорош базарить! Спать надо! — Сергей Борисович разделся и юркнул под одеяло.

— Андрей спать явно не хотел. В его честную, не испорченную списыванием душу закрался червь сомнения. Он выключил в комнате свет и подошел к окну.

За окном общаги простирался обширный пустырь, по которому пролегала трасса ЛЭП. Летом под ее высокими ажурными мачтами по берегам заросшего камышом пруда безмятежно квакали лягушки, сидели многочисленные рыбаки с удочками, изредка вылавливая недоразвитых, хилых бычков, тучами поднимались жадные до крови, голодные комариные полчища. Сейчас здесь было тихо. Пустырь был покрыт снегом, сквозь который то здесь, то там пробивались засохшие кустики полыни, между которыми переплетались многочисленные лыжни.

Далеко за пустырем, над стоящими сплошной стеной многоэтажными домами, бросая на снега жуткие багровые сполохи, поднималась кровавая заря, зловеще возвещающая о начале сессии.

Андрей начал сессию необычно. В первый день, когда соседи по общаге склонились над учебниками и, как проклятые, судорожно начали зубрить, он первым делом побежал в ближайший магазин с канцтоварами и купил там двадцать восемь самых дешевых шариковых авторучек, по числу экзаменационных билетов, зашел в ближайшую часовую мастерскую и, торговавшись с часовщиками, приобрел у них за сходную цену набор часовых инструментов. Прибежав после этого в общагу, он засел в своей комнате, надел на глаз увеличительное стекло и начал филигранно записывать на каждой шариковой ручке миниатюрным часовым скальпелем краткие ответы на экзаменационные вопросы.

В этом деле Андрей быстро поднаторел и за полтора дня переписал все лекции. С гордым видом он забрал двадцать восемь затейливо покрытых формулами шариковых ручек, рассовал по карманам и пошел их показывать своему другу Борьке.

Спустившись в институтский подвал и проплутав, как обычно, по длинному лабиринту узеньких коридоров, Андрей, наконец, попал куда хотел.

Подходя к дверям знакомой лаборатории, он еще в коридоре почувствовал сильный запах гари и паленой резины. За дверью гневно дребезжал высокий фальцет сэнэса Зубова, шефа дипломника Бори Попенченко, однофамильца знаменитого боксера.

В отличие от известного спортсмена, у того была совсем не спортивная внешность. Он был длинный, худой, со впалой грудью, но тем не менее, регулярно занимался хатха-йогой, закаливанием, а под конец, уже перед самым дипломом, начал заниматься, вдобавок ко всему прочему, еще и платным карате. Андрей открыл дверь. В лицо ему ударил густой, удушливый дым, в котором едва можно было разглядеть присутствующих. В тот же момент его едва не сбило с ног стремительно метнувшееся к нему сероватое пушистое пятно. Оно выскочило из комнаты и скачками пустилось наутек по коридору.

— Держи! Держи его! — следом за серым пятном из лаборатории выскочили перепачканные сажей с ног до головы, черные как негры Борька и его шеф, снова едва не опрокинув Андрея.

Тот опешил и, будучи не в состоянии вымолвить ни слова, зашел в дымящуюся лабораторию.

Из коридора донесся радостный крик старшего научного сотрудника Зубова: «Вот он! Поймал мерзавца! — сменившегося жалобным воплем, — ой! Царапается!»

— Дайте я его перехвачу, слышался хриплый голос Борьки.

— Держи. До крови оцарапал, сволочь!

В комнату вернулся Борька, крепко прижимая к себе испуганного, обвешанного с лап до головы проводами, громадным серым котом. Следом шел взбешенный шеф, облизывая оцарапанный палец:

— Мало того, что ты со своими опытами генератор сжег, — негодовал шеф, — твой Евлампий еще всю культуру, которую мы пять лет выращивали, в банке из под майонеза, сожрал! И вообще, чем ты здесь занимаешься?! Биофизикой или экстрасенсами? Тоже, гений выискался, коту ауру высокочастотным генератором мерить! Чему тебя только в институте четыре с половиной года учили... У тебя диплом не готов, экспериментальных данных нет никаких, результатов никаких не получено, вылетишь со справкой из института, будешь знать...

— Сан Саныч, извините, что здесь случилось? — обратился ошарашенный Андрей к Зубову.

— Да тут твой Эдисон кота проводами обвешал, включил измерительную аппаратуру и покурить вышел. Я захожу, вижу, кот залез в банку с культурой, жрет ее, понижаешь, молочка ему, видите ли, захотелось... С уникальными микробами в придачу, за валюту купленными... Я, естественно, ему: «Кыш, — говорю, — проклятый». Он — хвост трубой и бегом по лаборатории. Провода за ним. Перепутались все. КЗ, естественно. Искры во все стороны. Кот кричит благим матом, мечется туда-сюда по лаборатории. Проводка загорелась, генератор высокочастотный, который этот балбес (тут Сан Саныч кивнул на Борьку) в свою схему без моего ведома поставил, дымиться начал. Я, как смекнул, что к чему, рубильник сразу же вырубил, лабораторию обесточил, да что толку, смотри, что натворили...

Сразу было видно, что Евлампий потрудился на славу... По полу лаборатории тут и там были разбросаны черепки битой химпосуды,

лабораторные журналы с результатами опытов и обгоревшие провода.

Испуганный Евлампий прижался к груди Борьки и жалобно мяукал.

— Слушай, убивец, приберись тут без меня, мне в деканат надо зайти, — начавший уже отходить Сан Саныч бросил прощальный горестный взгляд на разгромленную лабораторию и вышел из комнаты.

Борька взял веник и начал подметать. Андрей молча ему помогал, временами покашливая от едкого дыма. Через полчаса уборка, в первом приближении, была завершена.

— Ты чего пришел? — наконец нарушил затянувшееся молчание Борис.

— Идея пришла!

— Что за идея?

— Смотри! — Андрей восторженно достал из бокового кармана шариковые ручки.

— Чего это такое?

— Шпоры!

— Какие шпоры?

— На экзамен. Сам подумай, какой преподаватель будет проверять твою авторучку? Ну как? Гениально?

— Так себе. Есть лучше способ. Берешь и пишешь шпоры симпатическими чернилами.

— Какими, какими?

— Симпатическими. Невидимыми, значит. Они бывают разные, но, в основном, их надо проявлять и после этого они становятся видимыми. А я знаю, как сделать так, чтобы только ты один мог их читать, а другие нет.

— Как?

— Берешь чернила, фосфоресцирующие в ультрафиолетовом свете, надеваешь вместо очков интегрально-оптический преобразователь, переводящий ультрафиолетовое излучение в видимое, и спокойненько себе читаешь...

— У тебя есть такие чернила?

— Нет. Но я знаю, как их сделать. Берешь одно из соединений радиоактивного полония, разводишь его в серной кислоте и смесь добавляешь в обычное молоко. Мы так некоторые штаммы бактерий метим.

— Слушай, будь другом, замеси эти чернила к следующему экзамену...

— Попробую. Еще тебе очки надо будет сделать.

— Ну и очки, естественно.

— Ладно, заходи через пару дней.

В этот момент откуда-то донесся жалобный писк.

Борька огляделся и в ужасе схватился за голову: обнаглевший Евлампий залез в аквариум с белыми мышами и, облизываясь, смачно хрумкая косточками, с удовольствием доедал последнюю из них.

3

Начался первый экзамен.

Андрей взял билет и пошел готовиться. Бдительное око профессора не усмотрело ничего предосудительного в том, что он несколько раз доставал из кармана разные авторучки, внимательно их разглядывал, а затем укладывал их обратно в карман, пока не нашел ту, единственную, которая его устраивала.

Профессор не знал и не мог даже догадаться, что тщательно пронумерованные, заранее, по порядку расположенные в кармане шариковые ручки во время ходьбы от корпуса общежития до института выпали из своих колпачков и перемешались.

Профессору даже импонировала та смертельная бледность и выступившая испарина, которая покрыла лицо готовящегося студента, когда тот не обнаружил сразу на нужном месте в кармане то, что искал. Профессор жалел тех студентов, которые очень волнуются и переживают во время подготовки к ответу и всегда старался быть к ним более мягким и снисходительным.

Студент подготовился и вызвался отвечать.

Профессору понравились краткость и лаконичность ответа Андрея.

— Отлично! — сказал преподаватель, взял в руки авторучку с золотым пером и потянулся к ведомости. Отыскав там фамилию Андрея, он начал проставлять оценку.

Авторучка, как нарочно, не писала.

Профессор несколько раз поскреб золотым пером по ведомости, но безрезультатно.

— Молодой человек! — обратился он к Андрею. — Дайте, на минуточку, свою ручку, пожалуйста.

Андрей оцепенел. Дрожащей рукой он достал первую попавшуюся ручку и потянул преподавателю.

Он, не глядя, схватил ее и начал проставлять оценку.

Неожиданно странный орнамент ручки привлек внимание профессора, и он поднес ее к своим глазам.

На ней, предательски проступали знакомые очертания математических формул...

4

— Ну как? — полюбопытствовал Борька, едва Андрей переступил порог его лаборатории, — пять баллов?

— Банан...

— Что так? Засек?

— Нет. У него своя авторучка писать отказалась. У меня попросил.

— А... Тогда, понятно. Ну, ничего, не расстраивайся. Попробуй симпатические чернила. Я их тебе здесь навел. Бери, но помни: На них не должна попадать влага. Если попадет — все, — кранты. Начнется эзотермическая химическая реакция с водой, выделится большое количество тепла и бумага может загореться. Помни об этом... ах, да, чуть не забыл... Борис потянулся к верхней полке шкафа и достал с нее обычные темные очки.

— Что это?

— Интегральнооптический преобразователь. Один фотон ультрафиолетового света переходит в нем в два фотона видимого света. За счет увеличения длины волны их энергия не меняется. Все в нем, правда, происходит, несколько сложнее, но, в общем, дело обстоит